

Т. А. Майсак

ПРИЧАСТНЫЕ ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В УДИНСКОМ ЯЗЫКЕ ПО КОРПУСНЫМ ДАННЫМ¹

В статье на материале текстов исследуются частотные характеристики определительных причастных клауз в удинском языке (лезгинская группа нахско-дагестанской семьи). В удинском имеются две формы причастий (перфективное и имперфективное); причастные обороты располагаются в препозиции к вершине, а само причастие занимает в клаузе конечную позицию. Как и в других нахско-дагестанских языках, удинские причастные клаузы являются близкими аналогами относительных предложений, однако допускают более широкий круг ассоциаций между вершинным именем и причастной клаузой, благодаря чему могут быть отнесены к выделяемому в литературе типу «обобщенных клаузальных конструкций, модифицирующих имя» (*general noun-modifying clause constructions*, GNMCCs). Основной задачей являлось изучение частотности различных типов ассоциаций между вершиной причастной клаузы и описываемой этой клаузой ситуацией (в терминах аргументов, адьюнктов или иных типов). Было рассмотрено около 1 тыс. употреблений причастных клауз в трех корпусах 2000-х гг. на ниджском диалекте – устном, переводном письменном (Евангелие от Луки) и оригинальном письменном (два сборника фольклорных текстов). Удинские данные были также сопоставлены с данными по частотности релятивизации, имеющимися для нескольких других нахско-дагестанских языков (арчинский, агульский, лезгинский и пр.). Были получены следующие основные выводы: в причастных клаузах непереходные глаголы, особенно глагол ‘быть’, используются чаще, чем переходные; подавляющее большинство употреблений (более 80%) приходится на релятивизацию одного из трех ядерных аргументов, причем непереходный субъект с большим отрывом опережает агенса и пациенса (то же отмечалось и для других нахско-дагестанских языков); удинский отличается от родственных языков преобладанием агенса над пациенсом по частоте релятивизации; частотность релятивизации неядерных аргументов и адьюнктов для удинского мала (менее пятой части употреблений) по сравнению с некоторыми из родственных языков; среди типов «неядерной» релятивизации наиболее значительное место занимает локативная и темпоральная; для удинского находит подтверждение высказывавшееся ранее суждение о том, что при наличии «расширенных» употреблений с несинтаксической ассоциацией между вершинным именем и причастной клаузой их частотность крайне невысока.

Ключевые слова: релятивизация, относительное предложение, причастие, причастная клауза, корпусная лингвистика, нахско-дагестанские языки, лезгинские языки, удинский язык.

Введение

В последние годы в исследованиях по типологии относительных предложений всё больше внимания уделяется обсуждению одного из их специфических типов – приименных модифицирующих клауз, обладающих максимально широкими возможностями ассоциации между вершинным именем и ролью обозначенного им референта в модифицирующей клаузе. Так, пример (1) из японского языка представляет собой то, что можно было бы назвать стандартной «объектной» релятивизацией – вершинное имя *hon* ‘книга’ в определительной клаузе играет роль объекта («ученик купил книгу»). В примере (2), однако, вершинное имя *sirase* ‘новость’ не является ни аргументом, ни адьюнктом в исходной клаузе ‘купил книгу’, которая скорее заполняет валентность на содержание имени («новость о том, что книгу купили»). Наконец, в (3) мы видим еще один тип отношений между вершинным именем и зависимой клаузой, на этот раз чисто «ситуативный»: сдача каким-то образом связана с ситуацией покупки книги и, при наиболее вероятной интерпретации, появилась в результате этой покупки

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-78-10128).>

(см. обсуждение этих примеров в (Matsumoto et al., 2017: 6–8)). Структура всех определительных предложений в (1)–(3) идентична, а их вершиной является одна и та же перфективная форма на *-ta*. Заметим, что ни по-русски, ни по-английски при переводе (2) и (3) относительное предложение использовать не получается – в русском и английском эти эквивалентны японской приименной конструкции не имеют столь широкой дистрибуции.

Японский язык (Matsumoto et al. 2017: 6)

- (1) *gakusei ga kat-ta hon*
 [student NOM buy-PST] book
 ‘книга, которую купил ученик’ / ‘the book that the student bought’
- (2) *hon o kat-ta sirase*
 [book ACC buy-PST] news
 ‘новость о том, что (X) купил книгу’ / ‘the news that (X) bought a book’
- (3) *hon o kat-ta oturi*
 [book ACC buy-PST] change (tender minus price)
 ‘сдача от покупки книги’ / ‘the change (from) buying a book’

В строгом смысле конструкции типа (2) и (3) не являются относительными предложениями – в них не происходит собственно «релятивизации» конкретного актанта исходной клаузы, который в ней мог бы быть выражен. В связи с этим, подобные конструкции было предложено называть «обобщенными клаузальными конструкциями, модифицирующими имя» (*general noun-modifying clause constructions*, или GNMCCs), ср. использование этого термина в тематическом сборнике статей (Matsumoto et al., (eds) 2017), а также более ранее обсуждение в работах (Comrie, 1996, 1998; Matsumoto, 1997). Классические относительные предложения, в которых вершинное имя кореферентно аргументу или адьюнкту в модифицирующей клаузе, являются для «GNMCCs» лишь одной из интерпретаций (или одним из переводных эквивалентов), ср. (Matsumoto et al., 2017: 7). Важно, однако, наличие у обобщенных модифицирующих клауз «расширенных» употреблений, в которых отношение между этой клаузой и вершиной не представимо в чисто синтаксических терминах. Й. Мацумото, Б. Комри и П. Селлз выделяют три типа таких «расширенных» употреблений: а) вершина ассоциируется с любым другим «фреймовым» элементом клаузы (ср. «[человек не толстеющая] конфета» = ‘конфета, от которой человек не толстеет’); б) клауза заполняет валентность вершинного имени на содержание (‘новость’, ‘песня’); в) вершинное имя является реляционным (‘причина’, ‘след’) или перцептивным (‘запах’, ‘звук’) и характеризуется через описываемую в клаузе ситуацию (Matsumoto et al., 2017: 4–6). В целом, как отмечалось еще в ранней работе (Comrie & Polinsky, 1999: 82) (на материале цезского языка нахско-дагестанской семьи), «слушателю необходимо приписать правдоподобную интерпретацию ассоциации между вершинной именной группой и невыраженной составляющей в атрибутивной клаузе. (...) Если правдоподобная интерпретация может быть приписана, (...) результирующая конструкция с относительным предложением признается приемлемой».

Хотя наиболее детально «GNMCCs» были исследованы в японском и ряде других языков Азии, со временем стало понятно, что конструкции того же типа представлены в гораздо более широком круге языков и языковых семей: в работе (Comrie et al., 2017b: 332), в этой связи упоминаются корейский и некоторые сино-тибетские, тюркские, монгольские и самодийские языки, а также некоторые представители индо-европейской семьи (в частности, майтхили). Нахско-дагестанские языки, в которых доминирующей стратегией построения относительных предложений является использование причастных оборотов, тоже входят в число языков с

«GNMCCs»: так, в упомянутой выше статье Б. Комри и его коллег обсуждаются данные языков цезской группы, а в статье (Nichols, 2017) из того же сборника нахские причастные конструкции рассмотрены на более широком ареальном фоне. Ряд авторов отмечают при этом, что «расширенные» употребления, хотя и возможны, встречаются в нахско-дагестанских языках не очень часто (по сравнению, например, с японским), ср. (Comrie et al., 2017a: 123; Nichols, 2017: 183). По мнению Ю. А. Ландера и М. А. Даниэля, причастные клаузы в языках семьи в подавляющем большинстве употреблений не нарушают каких-либо синтаксических ограничений и выглядят как обычные относительные предложения (Lander, Daniel, 2013). Авторы упомянутых работ признают, однако, что для более точных выводов требуется продолжать корпусные исследования по дистрибуции причастных клауз в конкретных языках с последующим межъязыковым сравнением.

Настоящая статья следует намеченному направлению и посвящена определительным причастным клаузам в удинском языке – одном из языков лезгинской группы нахско-дагестанской семьи. Основной нашей задачей является изучение возможностей и частотности различных типов ассоциаций между вершиной причастной клаузы и описываемой этой клаузой ситуацией на материале нескольких подкорпусов удинских текстов.

Предварительное представление об определительных причастных клаузах в удинском языке дают примеры (4) и (5). В примере (4) определением именной группы *χijjār-mov-on* ‘девушки’ является препозитивная причастная клауза *zaχun tac-i* ‘со мной пошедшие’, возглавляемая перфективным причастием; в примере (5) в роли модификатора имени *naχirčina* ‘пастуха’ выступает причастная клауза *izi be^št-an č.ovakala* ‘перед ним проходящий’ с имперфективным причастием. (Здесь и далее в примерах квадратными скобками в строке глоссирования обозначены границы причастной клаузы.)

(4) *za-χun tac-i χijjār-mov-on=al zu=al p:a^š kārān*
 [я-ABL уходит-PT:PF] девушка-PL-ERG=ADD я=ADD два раз
äči=jan=p-i.
 танцевать=1PL=LV-AOR
 ‘Девушки, которые пошли со мной, и я два раза танцевали.’ (УКН)

(5) *izi be^št-an č.ovak-ala naχirči-n-a a=ne=k:-i.*
 [сам:GEN впереди-ABL проходить-PT:IPF] пастух-OBL-DAT видеть=3SG=ST-AOR
 ‘Он увидел проходящего мимо него пастуха.’ (Keçaari, 2001)

Стоит отметить, что удинский язык является не совсем типичным представителем своей языковой группы и языковой семьи в целом. На лезгинском генеалогическом древе он занимает периферийное положение (традиционно считается, что изначально лезгинские языки разделились на удинский и все остальные, ср. (Алексеев, 1985: 23)). Географически удинский язык распространен на южной периферии нахско-дагестанского ареала – на нем исторически говорили в северном Азербайджане, и наиболее крупным местом компактного проживания удин в наши дни является поселок Нидж Габалинского района. На протяжении тысячелетий удинский язык контактировал прежде всего с неродственными языками ареала, в том числе индо-европейскими (армянский, иранские) и тюркскими (азербайджанский). Эти контакты отразились как на лексике, так и на грамматическом строе удинского языка – например, он обладает таким несвойственным нахско-дагестанским языкам явлением, как дифференциальное маркирование объекта (абсолютив vs. датив). В гораздо большей степени, чем в родственных языках, в удинском представлены финитные зависимые клаузы (как комплементы, так и обстоятельственные предложения) «индоевропейского» типа.

в примерах (4) и (5). Собственно глагольная форма внутри причастного оборота занимает конечную позицию. Какое-либо согласование причастия с вершиной отсутствует: характерная для нахско-дагестанских языков категория рода в удинском языке была утрачена, а личное согласование присутствует только в финитных клаузах.

В безвершинных причастных оборотах локусом маркирования падежа и числа становится собственно причастие, которое в этом случае склоняется по атрибутивному типу. Показателем абсолютива у причастий является суффикс *-o/-jo*, косвенные падежи образуются от косвенной основы с суффиксом *-t:-*; единственное число немаркировано, множественное выражается суффиксом *-roχ* в абсолютиве и *-ov/-jov-* в косвенных падежах. В табл. 1 представлен фрагмент парадигмы склонения причастий. Заметим, что во всех номинализованных формах показатель имперфективного причастия имеет сокращенный вариант *-al-*. Пример (7) содержит две именные группы множественного числа с номинализованным причастием: *ž'eluga bitit:ovon* 'в каменном месте упавшие' (в эргативе) и *mu'qluven q:abulbaloroχ* 'с радостью принимающие' (в абсолютиве).

Таблица 1

Фрагмент парадигмы склонения причастий

Форма	Перфективное причастие		Имперфективное причастие	
	Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.
атрибутивная	<i>bak-i</i>	<i>bak-i</i>	<i>bak-ala</i>	<i>bak-ala</i>
абсолютив	<i>bak-i-jo</i>	<i>bak-i-jo-roχ</i>	<i>bak-al-o</i>	<i>bak-al-o-roχ</i>
эргатив	<i>bak-i-t:-in</i>	<i>bak-i-t:-ov-on</i>	<i>bak-al-t:-in</i>	<i>bak-al-t:-ov-on</i>
датив	<i>bak-i-t:-u</i>	<i>bak-i-t:-ov-o</i>	<i>bak-al-t:-u</i>	<i>bak-al-t:-ov-o</i>
генитив	<i>bak-i-t:-aj</i>	<i>bak-i-t:-ov-oj</i>	<i>bak-al-t:-aj</i>	<i>bak-al-t:-ov-oj</i>

- (7) *ž'e-luv-a* *bit-i-t:-ov-on* *isä äjit-ä*
 [камень-ABST-DAT падать-PT:PF-NMLZ-PL-ERG] TOP слово-DAT
i-bak-i *mu'q-luv-en* *q:abul-b-al-o-roχ=e*.
 слышать-LV-CVB:PF [радостный-ABST-ERG принимать-LV-PT:IPF-ABS-PL]=3SG
 '...а {семья} упавшее на камень, это те, которые, когда услышат слово, с радостью принимают.' (Лк. 8:13)

Отсюда снова идет неканоническое оформление основного текста, уже до конца формально синкретичны с некоторыми другими формами глагольной парадигмы. Так, перфективная форма на *-i* выступает не только как причастие, но и как перфективное деепричастие и финитная форма прошедшего перфективного (аорист). Финитная форма «второго перфекта» на *-ijo* совпадает с номинализованным причастием абсолютива единственного числа. Форма проспектива/дебитива на *-ala* совпадает с имперфективным причастием. Хотя во всех случаях совпадения речь с большой степенью вероятности должна идти о тождестве соответствующих форм на диахроническом уровне, синхронно мы предпочитаем говорить о них как о разных формах парадигмы, см. подробнее (Майсак, 2008)². Финитные клаузы отличаются от причастных тем, что в них обязательно лично-числовое маркирование, ср. формы аориста *äči=jan=p-i* с личным показателем 3PL в (4) и *a=ne=k:-i* с личным показателем 3SG в (5)³. Деепричастие на *-i* возглавляет адвербиальную группу, а не служит модификатором имени, ср. *äjitä ibak-i* 'услышав слово' в (7). В дальнейшем мы

² Ср., однако, обсуждение в работах (Ландер, 2008; 2014), где нефинитная форма на *-i* рассматривается как форма «некатегориального (немаркированного) подчинения», без разделения ее на две нефинитные категории (причастие и деепричастие).

³ В обоих случаях личный показатель занимает позицию внутри глагольной основы; он также может энклитизоваться к глагольной форме или предглагольной составляющей. Способность личных клитик находиться внутри глагола позволяет их отнести к особому типу *эндоклитик*, см. подробнее (Harris, 2000; 2002).

исключаем из рассмотрения перфективное деепричастие и все финитные формы, совпадающие с причастиями.

Отрицательное причастие образуется при помощи препозитивного показателя *ni* – одного из трех отрицательных морфем в удинском (ср. *ni baki* ‘не бывший, не случившийся’, *ni bakala* ‘не бывающий, не происходящий’). Показатель отрицания *ni* используется с нефинитными формами и с некоторыми модальными финитными формами наподобие кондиционалиса и конъюнктива (Майсак, 2009). Как и две другие отрицательные морфемы (*te* и *ma*), *ni* в некоторых случаях может располагаться не в препозиции к слову, а внутри него (в позиции, «зарезервированной» в удинском языке для эндоклитик, – перед последней согласной глагольной основы). Кроме того, к *ni* может клитизоваться аддитивный показатель *al*. Оба этих свойства отрицания, однако, не будут релевантны для дальнейшего изложения, поскольку отрицательные причастия в корпусе достаточно редки и встретившиеся нам примеры содержат только стандартное препозитивное *ni*.

Причастные формы в удинском языке также используются, в комбинации с постпозитивными служебными словами, в составе адвербиальных клауз с временным значением. Перфективное причастие в (номинализованной) форме аблатива выступает в сочетании с наречием/послелогом *oša* ‘после’ в качестве деепричастия предшествования ‘после того как’ (ср. *pit:uxun oša* ‘после того как сказал’). Имперфективное причастие в форме аблатива выступает в сочетании с наречием/послелогом *beʃʃ* ‘перед’ в качестве деепричастия следования ‘перед тем как’ (ср. *ukalt:uxun beʃʃ* ‘перед тем как поел’). Кроме того, имперфективное причастие в сочетании с показателем сравнения *k:inä(k:)* ‘как, словно’ образует деепричастие непосредственного предшествования ‘сразу после того как’ (ср. *p:ap:ala k:inä* ‘как только достиг’). Оба причастия с показателем сравнения могут вводить и собственно сравнительные обороты со значением ‘так, как сделал/делает’. Такие конструкции мы далее не принимаем в рассмотрение, поскольку у нас нет уверенности, что эти употребления связаны с исходной функцией модификации, т.е. представляют собой грамматикализованные относительные предложения⁴.

2. Результаты корпусного анализа

Для корпусного анализа удинских причастных конструкций мы рассмотрели их употребления в трех корпусах – двух письменных (переводном и непереводном) и одном устном. Все тексты представляют современный ниджский диалект и были записаны/изданы в начале XXI в.

Устный корпус на ниджском диалекте был записан Д. С. Ганенковым, Ю. А. Ландером и Т. А. Майсаком в 2002–2006 гг., главным образом в Нидже (некоторые тексты – в с. Дубовый Овраг Волгоградской области). Он содержит около 60 текстов от около 15 носителей. Переводной письменный корпус представлен переводом Евангелия от Луки, вышедшем в 2011 г.; к рассмотрению привлекался только собственно текст Евангелия без предисловия и прилагаемого словаря библейских понятий. Письменный корпус оригинальных текстов состоит из двух подкорпусов: прозаические тексты из сборника Г. Кечаари (Keçaari, 2001) были дополнены текстами из сборника В. Дабакова (Dabakov, 2007), за исключением пересечений (тексты, которые имеются в обоих сборниках, даны только в варианте Г. Кечаари). Данные об объеме и содержании корпусов суммированы в табл. 2. Общий объем корпусов составил около 44 тыс. слов.

Были рассмотрены все контексты, в которых причастие выступает в роли определения имени, а также все номинализованные употребления причастий за исключением оговоренных выше (т.е. финитных форм, синкретичных причастным; деепричастных употреблений

⁴ В частности, в работе (Ландер, 2008) рассматривается гипотеза о том, что как минимум некоторые из этих сочетаний могут представлять собой кальки с азербайджанских конструкций, имеющих аналогичную структуру.

формы на *-i*; причастий в составе адвербиальных форм со служебными словами ‘после’, ‘перед’, ‘как, словно’).

Таблица 2

Использованные корпуса текстов

Источник	Состав	Объем (слов)
УНК	около 60 текстов (рассказы о себе, случаи из жизни, анекдоты, сказки)	ок. 12 тыс.
Лк.	перевод Евангелия от Луки	ок. 18 тыс.
Проза, в т.ч.:		ок. 14 тыс.
Кецаари, 2001	легенды, анекдоты, пьеса (всего 42 текста)	ок. 7 тыс.
Дабакон, 2007	легенды, сказки (всего 11 текстов)	ок. 7 тыс.

В удинском языке имеются аналитические конструкции с вспомогательным глаголом *bakes* ‘быть, стать’ и лексическим глаголом в форме на *-i* (аналитические перфектные формы) или на *-ala* (аналитические проспективно-дебитивные формы), см. обсуждение в (Майсак, 2016; Maisak, 2018). Эти конструкции включались в подсчеты только в том случае, если форму причастия принимал вспомогательный глагол (ср. *Eğala Bakalo* ‘Тот, Кому предстоит прийти’, букв. «долженствующий прийти»); при этом тип релятивизируемого аргумента кодировался исходя из падежной рамки лексического глагола (в данном случае ‘приходить’).

В нескольких случаях неоднозначность между причастным и деепричастным употреблением формы на *-i* разрешить не удалось: в частности, это касается вторичных предикаций типа *q'olaybak'i=t'un ak'i* ‘обнаружили выздоровевшим’ (букв. «выздоровев / выздоровевшего увидели») или *haqesi mant'unst'au* ‘удивились’ (букв. «удивившись / удивленными остались»). Такие неоднозначные случаи исключались из рассмотрения.

Некоторые причастия близки к лексикализованным и, возможно, могут уже считаться прилагательными или существительными, ср. *p:uri* ‘мертвец’ (< ‘умерший’), *mandi* ‘остальное’ (< ‘оставшийся’), *campi* ‘пестрый’ (< ‘расписанный’), *nuak:eci* ‘удивительный’ (< ‘не виденный’). Мы включали их в подсчеты за исключением случаев, когда (бывшее) перфективное причастие *p:uri* выступало в падежных формах, склоняясь по субстантивному, а не атрибутивному типу (ср. *p:uri-в-о* [мертвец-PL-DAT] ‘покойников’ без показателя номинализации, вместо ожидаемого по атрибутивному типу *p:ur-i-t:-ов-о* [умирать-АОР-NMLZ-PL-DAT]).

Результаты корпусных подсчетов суммированы в нескольких приводимых ниже таблицах. В табл. 3а показаны общие данные о распределении причастий в каждом из корпусов (для оригинальных текстов данные по двум подкорпусам также даются отдельно). Указано количество перфективных и имперфективных причастий, а для каждого из них – доля номинализованных и доля отрицательных причастий. Также приведена частотность причастий на тысячу слов. В сокращенной табл. 3б те же данные даны в процентах; доля номинализованных форм и доля отрицательных причастных клауз в этой таблице суммированы для причастий обоих типов.

Таблица 3а

Статистика причастий по корпусам (исходные числа)

Причастие	УНК	Лука	Кецаари	Дабакон	По всем
<i>Перфективное</i>	49	227	65	32	373
в т.ч. номинализованные	16	95	16	10	137
в т.ч. отрицательные	0	9	5	2	16
<i>Имперфективное</i>	102	417	74	27	620
в т.ч. номинализованные	27	131	13	8	179
в т.ч. отрицательные	3	36	4	1	44
Итого	151	644	139	59	993
Частотность (на 1 тыс. слов)	12,6	35,8	19,9	8,4	22,6

Таблица 3б

Статистика причастий по корпусам (проценты)

Причастие	УНК	Лука	Кечаари	Дабаков	По всем
Перфективное	32%	35%	47%	54%	38%
Имперфективное	68%	65%	53%	46%	62%
Итого	100%	100%	100%	100%	100%
В т.ч. номинализованные	28%	35%	21%	30,5%	32%
В т.ч. отрицательные	0,2%	7%	6%	5%	6%

Следующая группа таблиц показывает статистику по мишеням релятивизации (в традиционных терминах) или, другими словами, по типам аргументов и адъюнктов причастных клауз (либо ни тех, ни других), которые ассоциируются с определяемым вершинным именем. Каждый тип посчитан для перфективных (РТ:PF) и имперфективных (РТ:IPF) причастий отдельно; различие между причастием в атрибутивной позиции и безвершинными номинализованными употреблениями в данном случае не проводится. Табл. 4а содержит данные по УНК, табл. 4б – по переводу Евангелия, табл. 4в – по письменным подкорпусам оригинальных текстов («К» = Кеҗаари, 2001, «Д» = Dabakov, 2007). В таблицах приняты следующие сокращения: А – агенс, Р – пациенс, S – непереходный субъект, LOC – время, TEMP – место, POSS – посессор.

Таблица 4а

Статистика мишеней релятивизации (УНК)

	РТ:PF	РТ:IPF	Итого	%
S	24	28	52	34
A	11	27	38	25
P	12	10	22	14,5
LOC	1	19	20	13
TEMP	1	12	13	9
Прочее	0	6	6	4
	49	102	151	99,5

Таблица 4б

Статистика мишеней релятивизации (Лука)

	РТ:PF	РТ:IPF	Итого	%
S	115	180	295	46
A	28	142	170	26
P	62	19	81	12,5
LOC	6	17	23	3,5
TEMP	3	23	26	4
Прочее	13	36	49	8
в т.ч. POSS	1	21		
			644	100

Таблица 4в

Статистика мишеней релятивизации (Проза)

	РТ:PF (К.)	РТ:IPF (К.)	Итого (К.)	РТ:PF (Д.)	РТ:IPF (Д.)	Итого (Д.)	Проза в целом	%
	38	53	91	18	7	25	116	59
A	8	6	14	3	9	12	26	13
P	11	7	18	5	3	8	26	13
LOC	5	3	8	4	6	10	16	8
TEMP	1	1	2	1	1	2	4	2
Прочее	2	4	6	0	2	2	10	5
в т.ч. POSS	0	3		0	0			
			139			59	196	100

Как было показано уже в работе (Даниэль, Ландер, 2013), если рассматривать удинские определительные причастные клаузы как относительные предложения, оказывается, что они – как и в случае других нахско-дагестанских языков – допускают самый широкий круг возможных мишеней релятивизации, как аргументов, так и адьюнктов.

Напомним, что удинский язык лишь отчасти сохраняет эргативную стратегию кодирования актантов: агенс переходного глагола выражается эргативом, непереходный субъект – абсолютивом. Кодирование пациенса, однако, является расщепленным: абсолютивом оформляется только неопределенный пациенс, тогда как определенный – дативом (в частности, именно датив обязателен для личных местоимений, демонстративов и собственных имен в позиции пациенса), см. (Касьянова, 2017). При этом в удинском языке полностью утратился класс экспериенциальных предикатов, которые бы имели неканоническое (например, дативное или локативное) кодирование субъекта-экспериенцера, – все такие глаголы ('любить', 'хотеть', 'знать' пр.) выровнялись по транзитивной модели.

Релятивизация непереходного субъекта (S) уже была проиллюстрирована в примерах (1) («пошедшие со мной девушки») и (2) («проходящий перед ним пастух»), ср. также первую клаузу в (4) с номинализованной формой («упавшие на каменистое место»). Релятивизация субъекта переходного глагола (A) показана в (8) и (9), ср. также вторую клаузу в (4) («с радостью принимающие»).

- (8) *jaχ jaq:a-b-i amdar-χo=ne=bu.*
[MY:DAT посылать-LV-PT:PF] человек-PL=3SG=BE
'Есть люди, которые нас послали сюда.' (Кеҫааг, 2001)

- (9) *t:ija uʷa-aʷl-o=al ba=ne=k-sa,*
DIST:LOC [пить-PT:IPF-NMLZ]=ADD быть=3SG=ST-PRS
nu=uʷa-aʷl-o=al ba=ne=k-sa...
[NEG=пить-PT:IPF-NMLZ]=ADD быть=3SG=ST-PRS
'Там уже есть и те, кто пьет, и кто не пьет...' (УНК)

Следующие примеры иллюстрируют релятивизацию пациентивных аргументов (различие между абсолютивным и дативным кодированием при релятивизации, очевидно, нейтрализуется):

- (10) *uk-a me žʷal-d-i dadal-a!*
есть-IMP PROX [варить-LV-PT:PF] петух-DAT
'Поешь этого вареного петуха!' (Dabakov, 2007)

- (11) *čuk-on izi uk:-al-t:-u=ne b-i,*
женщина-ERG [сам:GEN говорить-PT:IPF-NMLZ-DAT]=3SG делать-AOR
išq:ar-en izi uk:-al-t:-u.
мужчина-ERG [сам:GEN говорить-PT:IPF-NMLZ-DAT]
'Женщина сделала то, что она говорила, мужчина – то, что он.' (Dabakov, 2007)

Прочие аргументы также могут быть свободно релятивизованы: ср. (12) с реципиентом (исходно оформляемым дативом, «дал имя Петру»), (13) с адресатом (исходно также дативным, «Иуде говорят Искарот»), (14) с предикативным посессором (исходно – «у женщины есть четверо детей»)⁵.

⁵ Предикативный посессор может кодироваться как генитивом, так и одним из локативных падежей, адэссивом.

- (12) *p:jot:r c:i tad-i simon*
 [Петр имя давать-PT:PF] Симон
 ‘Симон, названный Петром.’ (Лк. 6:14)
- (13) *t:e vādā šejtan p:acce šagird-χo-j sun-t:-aj,*
 DIST пора шайтан двенадцать ученик-PL-GEN один-NMLZ-GEN
isk:ariot: uk:-ala iuda-j boš ba=ne=c-i
 [Искарриот говорить-PT:IPF] Иуда-GEN внутрь входить=3SG=ST-AOR
 ‘Тогда Сатана вошел в Иуду, называемому Искарриот, одного из числа двенадцати учеников.’
 (Лк., 22:03)
- (14) *sun-t:-in bip: äjel bak-ala sa čuhuχ=e*
 один-NMLZ-ERG [четыре ребенок быть-PT:IPF] один женщина=3SG
ečer-e=j.
 приводить-PRF=PST
 ‘Один человек женился на женщине с четырьмя детьми (букв. имеющей четырех детей).’
 (Keçaari, 2001).

Чрезвычайно частотны, как и в других языках с «GNMCCs», конструкции с «локативной» и «темпоральной» релятивизацией или, точнее, с причастными клаузами, вершинами которых являются имена, обозначающие отрезки времени или локации, в то время как собственно причастная клауза специфицирует происходящее в это время или находящееся в данной локации, ср. «[птица живущий] лес» в (16) или «[Ной в корабль вошедший] день» в (17).

- (15) *e=ne=sa... χüjār-ä bos-i ga-l-a.*
 приходит=3SG=st+PRS [дочь-DAT бросать-PT:PF] место-OBL-DAT
 ‘Приходит он на то место, где бросил дочь.’ (УНК)
- (16) *rost:om ta=ne=c-i q:uš bak-ala č:äläj-e.*
 Ростом уходит=3SG=ST-AOR [птица быть-PT:IPF] лес-LOC
 ‘Ростом пошел в лес, где жила птица.’ (Dabakov, 2007)
- (17) *noj-e gām-in-ä bac-i ki-n-al cirik*
 [Ной-GEN корабль-OBL-DAT входить-PT:PF] день-OBL-SUPER до
insan-χo-n käj-i – u^ε=t.u^εn=χ-sa=j
 человек-PL-ERG есть-CVB:PF пить=3PL=ST-PRS=PST
 ‘Вплоть до дня, пока Ной не вошел в ковчег люди ели, пили... {женились и выходили замуж.}’
 (Лк. 17:27)
- (18) *me q:urban-a uže š'am-ek-ala vaχt:=e.*
 PROX [жертва-DAT уже резать-LV-PT:IPF] время=3SG
 ‘...уже время приносить жертву.’ (УНК)

Возможна и релятивизация аргумента, вложенного в зависимую клаузу, например сентенциальный актант: так, в (19) «пробел» находится внутри клаузы «у него есть (вещь)», вложенной в матричный предикат ‘думать, полагать’ в форме причастия (букв. «вещь, которая, как он считает, у него есть»).

- (19) *ama ši te=no=sa, izi bak-sun-a*
 но кто:GEN NEG=3SG+BE=COND [сам:GEN быть-MSD-DAT
zänd-b-i šej=al iz kij-eχun č:ek-al=e
 размышлять-LV-PT:PF] вещь=ADD сам:GEN рука-ABL выходить-FUT=3SG
 ‘А у кого нет, у того и то, что, как ему кажется, у него есть, будет отнято.’ (Лк., 8:18)

Как правило, при причастной стратегии релятивизации никакой морфосинтаксической «поддержки», которая бы помогала установить связь между вершинным именем и его синтаксической ролью в причастной клаузе, нет. Ср., например, в (20) релятивизацию приименного посессора (исходно – в генитиве), который в причастной клаузе не выражен (букв. «[правая рука высохший] человек»).

- (20) *t.e~t:ija jön kul q.ari-bak-i sa amdar=e=bu=j*
 RDP~DIST:LOC [правый рука сохнуть-LV-PT:PF] один человек=3SG=BE=PST
 ‘Там был человек, у которого правая рука была сухая.’ (Лк. 6:6)

В редких случаях исходную позицию релятивизуемого актанта в причастной клаузе маркирует резумптивное местоимение, в функции которого в удинском, как и в целом в нахско-дагестанских языках, выступает рефлексив/интенсификатор (в глоссах «сам»). Вероятно, в целом подобные синтаксические структуры избегаются, и в наших корпусах мы нашли лишь единичные примеры резумптивов в причастных клаузах (в основном в переводе Евангелия от Луки, где чаще, чем в других текстах, используются синтаксически громоздкие структуры). Так, в следующих двух примерах резумптив фигурирует в дополнении послелого, ср. «изнутри него/которого» в (21) и «о нем/котором» в (22).

- (21) *iz bošt:an žin-urxo č:er-i išq:ar-en...*
 [сам:GEN изнутри бес-PL выходить-PT:PF] мужчина-ERG
 ‘Человек, из которого вышли бесы...’ (Лк., 8:38)

- (22) *p:oj iz barada me xavar-a zu i-bak-ala*
 PTCL [сам:GEN про PROX весть-DAT я слышать-LV-PT:IPF]
amdar šu=va?
 человек кто=3SG:Q
 ‘Кто же тот человек, о котором я слышу такие вещи?’ (Лк., 9:9)

Наконец, как уже отмечалось выше, для удинского верно и то, что является определяющим свойством языков с «GNMCCs», – вершинное имя может находиться в предельно общем семантическом отношении с описываемой причастной клаузой ситуацией, не связанном с конкретной синтаксической позицией в ней. Это может быть и заполнение валентности на содержание, как в (23) (букв. «[на земле грехи прощающее] разрешение»), и «фреймовая» ассоциация, как в (24) (букв. «плачущие песни», т.е. ‘песни, исполняемые по время плача по покойнику’).

- (23) *insan-i var-e oč'al-in č'o-j-e günaç-xo bavišlainš-ala*
 человек-GEN сын-GEN [земля-GEN лицо-OBL-LOC грех-PL прощать-PT:IPF]
eçt:ijär bu=ne
 разрешение BE=3SG
 ‘У Сына человеческого есть власть прощать на земле грехи.’ (Лк., 5:24)

- (24) *jan o'no'k:-ala ma'v-urxo=jän ma'v-p-i, va'n isä*
 мы [плакать-LV-PT:IPF] песня-PL=1PL петь-LV-AOR вы TOP
o'no'c=te=nan=p-i...
 плакать=NEG=2PL=LV-AOR
 ‘Мы пели вам плачевные песни, а вы не плакали.’ (Лк., 7:32)

В примере же (25) номинализованная форма перфективного причастия *hari* ‘пришедший’ вводит в рассмотрение ситуацию в целом («приход гадальщицы»); номинализованная клауза выступает в аблативе при выражении временного предшествования («после прихода гадальщицы»). Подобное использование именно причастия (а, например, не отглагольного имени –

масдара на *-sun*) для обозначения факта лежит в основе адвербиальных сочетаний с наречиями/послелогоми, упоминавшимися в разделе 2 выше.

- (25) *falči*   *har-i-t:-uχun*   *sa*   *hema*   *šamat:*
 [гадальщик   приходит-PT:PF-NMLZ-ABL]   один   сколько   неделя
 ‘Через несколько недель после того, как приходила гадальщица...’ (Кеҗаари 2001)

3. Обсуждение и выводы

Прокомментируем полученные результаты по частотности причастных оборотов и релятивизируемых «семантических ролей» (ассоциаций).

Как показывают общие подсчеты (табл. 3а, 3б), рассмотренные корпуса значительно различаются по частотности причастных оборотов (от 8,4 до 35,8 причастий на 1 тыс. слов). Эта частотность не связана с устным либо письменным статусом текста как таковым, ср. большое различие между текстами в сборниках Г. Кеҗаари и В. Дабакова. Максимальное значение частотности отмечается в переводе Евангелия, что может быть связано с наличием в тексте сложных синтаксических конструкций, которые переводчики предпочли переводить близко к тексту без упрощения.

По всем корпусам в целом частотность перфективных причастий ниже и составляет чуть больше трети от общего числа причастий. Отходят от этого значения сборники фольклора и прозы (Г. Кеҗаари и В. Дабакова), в которых на перфективные причастия приходится почти половина употреблений, причем в сборнике (Dabakov, 2007) – даже чуть больше половины. Номинализованных причастных клауз в среднем чуть менее трети. Количество отрицательных причастий крайне невелико и составляет в среднем порядка 6%, с минимальным значением (менее 1%) в устном корпусе.

Наибольший интерес для нас представляют данные по релятивизации разных типов аргументов и адьюнктов, а также случаи «расширенного» употребления причастных конструкций, о которых шла речь в разд. 1. Суммированные данные в процентах для трех корпусов представлены в табл. 5. По ней хорошо видно, что в целом для удинского языка верна иерархия $S > A > P$, то есть среди трех ядерных аргументов наиболее частотной является релятивизация непереходного субъекта, затем с большим отрывом – переходного субъекта (агенса), и далее – прямого объекта (пациенса). Исключением является только корпус оригинальной прозы, в котором частотность А и Р не различаются (как видно по табл. 4в выше, это связано с небольшим преобладанием Р над А в текстах из сборника Г. Кеҗаари); значение же для S для этого корпуса максимально. В целом, на S приходится почти половина всех релятивизаций, при этом наименьшее значение (34%) наблюдается для устного корпуса.

В свою очередь, устный корпус является «чемпионом» по неядерным релятивизациям, прежде всего локативной и временной: в обоих случаях значения по УНК более чем вдвое превышают средние значения по всем корпусам (6 и 4% соответственно).

Корпусные подсчеты подтверждают высказывавшееся ранее мнение о том, что в нахско-дагестанских языках «расширенные» употребления эквивалентов относительных конструкций не очень частотны. Если исключить из рассмотрения относительно частотные локативный и темпоральный подтипы, на все неядерные случаи приходится от 4 до 8% употреблений. Сюда входит в том числе релятивизация таких периферийных аргументов и адьюнктов, как предикативного и приименного посессора, адресата, темы речи, аргумента вложенной клаузы (сентенциального актанта) и др. Собственно «расширенные» употребления, свойственные языкам с «GNMCCs», представлены единичными случаями наподобие примеров (23)–(25) выше.

Статистика мишеней релятивизации в % (все корпуса)

	УНК	Проза	Лука	По всем
S	34	59	46	46,6
A	25	13	26	23,6
P	14,5	13	12,5	13
LOC	13	8	3,5	6
TEMP	9	2	4	4
Прочее	4	5	8	6,5
	99,5	100	99	99,7

Некоторые выводы можно сделать и относительно предпочтений в зависимости от вида причастия. Для трех корпусов (УНК, Лука и сборник Dabakov, 2007) отмечается сильное преобладание агентивной релятивизации с имперфективным причастием (как в примере (9)) – от 2,5 до 5 раз больше, чем с перфективным. Для двух из этих корпусов (УНК и Лука) наблюдается также преобладание локативной и темпоральной релятивизации с имперфективным причастием (как в примерах (16) и (18)). Напротив, все корпуса демонстрируют преобладание пациентивной релятивизации с перфективным причастием (как в примере (10)), причем для перевода Евангелия перфективное причастие в этом контексте частотнее имперфективного в 3 раза. Относительно релятивизации непереходного субъекта данные корпусов разнятся: для трех из них (УНК, Лука и сборник Keçaarı, 2001) релятивизация S чаще встречается с имперфективным причастием, для четвертого (сборник Dabakov, 2007) – с перфективным. В целом, сборник В. Дабакова по ряду параметров демонстрирует показатели, отличные от остальных корпусов; с другой стороны, число посчитанных причастных клауз именно для этого подкорпуса минимально.

Наши результаты подтверждают полученные ранее предварительные данные по удинской релятивизации, опубликованные в (Даниэль, Ландер, 2013) (в этой работе подсчеты для удинского проводились на материале как письменных, так и устных текстов, всего было привлечено 306 причастных клауз). В частности, в этой работе были сделаны выводы о том, что:

– «основная часть мишеней релятивизации (45%) приходится на S» (в наших подсчетах – 46,6%);

– «львиная доля остальных контекстов приходится на A и P: в сумме 33 процента» (а именно, A 18% и P 15%; у нас данные незначительно отличаются, а в сумме составляют 36,6%);

– «случаи, когда семантическая роль релевантного партиципанта в относительном предложении устанавливается по контексту, редки – лишь два примера на весь корпус».

Кроме того, в работе (Даниэль, Ландер, 2013) специально отмечалась «распространенность в устной речи конструкций с релятивизацией времени и места».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что увеличение выборки причастных клауз в три раза по сравнению с более ранним исследованием не привело к сколько-нибудь значительному изменению результатов⁶.

В работе (Даниэль, Ландер, 2013) речь шла также в целом о выделенности непереходных клауз в контексте релятивизации: говоря о том, что «по сравнению с адыгейским... в удинском и арчинском языках частотнее оказывается релятивизация непереходного подлежащего», авторы делают следующий предварительный вывод: «нельзя исключать, что нахско-дагестанские языки вообще – не только в относительных конструкциях – в большей степени исполь-

⁶ Это обстоятельство, в частности, может указывать на то, что трехсот примеров (в случае, когда большего корпуса по соответствующему языку просто не существует) должно оказаться достаточным для формулирования основных закономерностей по частотности релятивизации.

зуют непереходные предикации». Распределение предикатов по транзитивности в разных синтаксических конструкциях выходило за пределы настоящего исследования, однако наши данные поддерживают обобщение о большей частотности непереходных предикатов в относительных клаузах. По всем корпусам (и подкорпусам) на непереходные причастные клаузы приходится более половины употреблений: в среднем между 52 и 59%, однако в сборнике Г. Кечаари – 77%. Глагол *bak*- ‘быть’, в свою очередь, наиболее частотен среди непереходных глаголов, особенно в устном корпусе (48% от непереходных причастных клауз содержат именно этот глагол) и в переводе Евангелия от Луки (41%).

Выглядят ли суммарные данные по частотности релятивизации разных типов аргументов/адьюнктов, представленные в табл. 5, исключительными для удинского языка на «общедагестанском» фоне? (Напомним, что этого можно ожидать, учитывая его не вполне строго эргативный морфосинтаксический профиль.) В статье (Даниэль, Ландер, 2013), где проводится сопоставление удинского с арчинским, еще одним «периферийным» языком лезгинской группы, говорится о том, что арчинский обнаруживает «более явные предпочтения релятивизации пациенса по сравнению с агенсом переходной конструкции». Вместе с тем, авторы формулируют данный вывод с осторожностью, указывая, что на фоне адыгейского языка (западнокавказская семья) даже арчинские данные по предпочтениям релятивизации пациенса не кажутся столь значительными.

К сожалению, на сегодня количественные корпусные данные по употреблению причастных клауз доступны лишь для нескольких нахско-дагестанских языков. Уже упоминавшиеся арчинские подсчеты в (Даниэль, Ландер, 2013) учитывают 219 клауз из сборника текстов (Кибрик и др., 1977); в работе (Ganekov, 2016) статистика охватывает 2000 причастных клауз из Корпуса литературного лезгинского языка; в статье (Maisak, 2020) рассмотрены 858 причастных клауз из трех корпусов текстов для еще одного языка лезгинской группы, агульского. Кроме того, в статье (Polinsky et al., 2012) для аварского языка аваро-андийской группы содержатся общие данные по релятивизации S, A и P на материале 158 клауз из текстов разных жанров, а данные по багвалинскому языку аваро-андийской группы представлены в работе (Барыльникова, 2015) и учитывают 144 клаузы из текстов, прилагаемых к грамматике (Кибрик и др., 2001).

В табл. 6 приводятся данные по указанным выше источникам, а также наши данные по удинским причастным клаузам. Поскольку в статье (Polinsky et al., 2012) для аварского языка отсутствует статистика по «прочим» мишеням за исключением трех ядерных аргументов, в таблице 7 мы для тех же языков приводим данные только по S, A и P (они взяты за 100%, а остальные употребления причастных клауз в данном случае игнорируются)⁷. Судя по табл. 6, при учете неядерных релятивизаций удинский проявляет наибольшее среди сравниваемых языков значение по непереходному субъекту, а также агенсу (при исключении аварского), а наименьшее – по релятивизации пациенса. Таким образом, удинский демонстрирует скорее «аккузативную» стратегию при выборе мишени релятивизации, ориентированную на приоритетный аргумент (S/A), а не на абсолютивный аргумент (S/P), как в остальных языках. Это соответствует не полностью эргативному морфосинтаксическому профилю удинского как в области маркирования аргументов (использование не только абсолютива, но и датива для кодирования пациенса), так и в глагольном согласовании (контролируемым S/A). Релятивизация неядерных ролей в удинском находится скорее на периферии и не может сравниться со значениями, наблюдаемыми, например, в агульском (где значительное число употреблений приходится на релятивизацию адресата, см. обсуждение в (Maisak, 2020)).

⁷ Числовые данные в табл. 6–7 воспроизведены по статье (Maisak, 2020) за исключением обновленных данных по удинскому. Заметим, что в табл. 7 абсолютные числа для ядерных аргументов чуть ниже, чем в табл. 6, поскольку в табл. 6 данные по некоторым аргументам сложены вместе (агенса + экспериенцера + посессора, а также пациенса + стимула + обладаемого). Для удинского посессор был подсчитан в «прочих», а обладаемое в абсолютиве – вместе с S.

Таблица 6

Мишени релятивизации в шести языках

	S		P		A		прочее	Итого		
аварский	68	(43%)	49	(31%)	41	(26%)	–	158	(100%)	
агульский	268	(31%)	130	(15%)	98	(11%)	362	(42%)	858	(100%)
арчинский	93	(42%)	39	(18%)	21	(10%)	66	(30%)	219	(100%)
багвалинский	49	(34%)	43	(30%)	28	(19%)	24	(17%)	144	(100%)
лезгинский	787	(39%)	637	(32%)	296	(15%)	280	(14%)	2000	(100%)
удинский	463	(47%)	129	(13%)	234	(24%)	167	(17%)	993	(100%)

Таблица 7

Релятивизация S, P и A в шести языках

	S		P		A		Итого	
аварский	68	(43%)	49	(31%)	41	(26%)	158	(100%)
агульский	268	(61%)	112	(25%)	62	(14%)	442	(100%)
арчинский	83	(64%)	35	(27%)	11	(9%)	129	(100%)
багвалинский	49	(51%)	31	(32%)	16	(17%)	96	(100%)
лезгинский	787	(50%)	543	(35%)	229	(15%)	1559	(100%)
удинский	137	(57%)	47	(20%)	55	(23%)	239	(100%)

Табл. 7, однако, корректирует выводы об относительной частотности трех ядерных аргументов: судя по ней, удинский вовсе не является исключением по частотности релятивизации непереходного субъекта и агенса, хотя и демонстрирует здесь высокие значения. Релятивизация пациенса у него, однако, наиболее редка по сравнению с другими языками, причем ближе всего она к другим представителям лезгинской группы, агульскому и арчинскому. Выделенность S/A по сравнению с P на общем фоне не является столь яркой, поскольку различие по частотности между агенсом и пациенсом невелико (23 и 20%). Тем не менее, удинский остается единственным из шести языков, у которого частотность релятивизации агенса превышает таковую для пациенса.

Заключение

Итак, в статье были представлены новые данные по причастным клаузам, как аналогам относительных предложений, в удинском языке, одном из лезгинских языков нахско-дагестанской семьи. Эти данные основаны на анализе трех корпусов – устного, письменного оригинального (по двум источникам) и письменного переводного – и касаются следующих параметров: общая частотность причастных оборотов, форма причастия (перфективное или имперфективное), доля номинализованных и отрицательных причастий, а также частотность релятивизации разных типов аргументов и адьюнктов (включая «расширенный» тип ассоциации между именной вершиной и клаузой, выходящий за рамки собственно релятивизации и относимый в литературе к «GNMCCs»).

Удинский является не единственным языком семьи, по которому проводились аналогичные подсчеты (стоит отметить, впрочем, что в каждой из имеющихся работ методика подсчета в чем-то отличается от остальных). Кроме того, предварительные данные по количественным характеристикам удинской релятивизации были опубликованы несколько лет назад. Настоящее исследование – на количестве клауз, более чем в три раза превышающем привлекавшееся к рассмотрению ранее, – позволило подтвердить и уточнить выводы, некоторые из которых были сформулированы как предварительные в (Даниэль, Ландер 2013). Основными из этих выводов являются:

– непереходные глаголы, особенно глагол ‘быть’, используются в причастных клаузах чаще, чем переходные;

- подавляющее большинство употреблений (более 80%) приходится на релятивизацию одного из трех ядерных аргументов, причем непереходный субъект (S) опережает А и Р с большим отрывом, как и в других нахско-дагестанских языках;
- при этом удинский отличается от родственных языков преобладанием (хотя и не очень большим) агенса над пациенсом по частоте релятивизации;
- частотность релятивизации неядерных аргументов и адъюнктов («прочее» в таблице 6) для удинского сравнительно мала, на нее приходится менее пятой части употреблений;
- среди типов «неядерной» релятивизации наиболее значительное место занимает локативная и темпоральная;
- для удинского находит подтверждение высказывавшееся ранее суждение о том, что хотя причастные клаузы нахско-дагестанских языков и имеют более широкую дистрибуцию, чем классические относительные предложения, частотность «расширенных» употреблений с несинтаксической ассоциацией между вершинным именем и причастной каузой крайне невысока.

Кроме того, в удинском частотность имперфективных причастий в причастных клаузах выше, чем перфективных, что говорит о том, что говорящие предпочитают использовать причастия для характеристики референта через синхронную ситуацию, с которой он ассоциирован в данный момент (или хабитуально), а не ретроспективно через уже завершившееся положение дел (аналогичный результат был получен для агульского языка, см. (Maisak, 2020)).

Далее, было показано, что данные трех корпусов в целом не противоречат друг другу и демонстрируют одинаковые закономерности. Наблюдаемые различия трудно увязать с природой текстов в корпусе (устный или письменный, переводной или оригинальный): так, именно и только в оригинальных письменных текстах частотность имперфективных причастий не является настолько преобладающей, как в среднем по всем корпусам, и наиболее близка к частотности перфективных. В том же корпусе отмечается наименьшая асимметрия между частотностями А- и Р-аргументов. В свою очередь, в устном корпусе наблюдались наибольшие значения для локативной и темпоральной релятивизации. При этом определенные различия существуют в том числе и между двумя письменными подкорпусами (Кеҫаари, 2001 и Dabakov, 2007), которые включают максимально близкие по жанру тексты (ср. наибольшую разницу в относительной частотности причастий в текстах Г. Кечаари и В. Дабакова). В данном случае разницу вряд ли можно объяснить иначе как идиолектными предпочтениями авторов.

Некоторые закономерности, связанные с асимметрией по частотности релятивизации ядерных аргументов, вероятно, можно объяснить не вполне каноническим эргативным «профилем» удинского языка на фоне других языков семьи. Тем не менее, на современном этапе исследования пока еще трудно делать окончательные выводы без сопоставимых (по объему и применяемой методике) данных для других родственных и ареально близких языков Восточного Кавказа.

Сокращения

1SG, 1PL, 2SG, 2PL, 3SG, 3PL – показатели субъектного лично-числового согласования; 3SG:Q – вопросительный показатель 3 л. ед.ч.; ABL – аблатив; ABS – абсолютив; ABST – абстрактное имя; ACC – аккузатив; ADD – аддитивная частица; AOR – аорист; BE – бытийный глагол (связка) *bu*; COMP – комплементаризатор; COND – кондигнал; CVB:IPF – имперфективное деепричастие; CVB:PF – перфективное деепричастие; DAT – датив; DIST – дальний демонстратив; DIST:LOC – дальний локативный демонстратив; ERG – эргатив; FUT – будущее время; GEN – генитив; IMP – императив; LOC – локатив; LV – служебный («легкий») глагол; MSD – масдар; NEG – отрицание; NMLZ – показатель номинализации; NOM – номинатив; OBL – косвенная основа; PL – множественное число; PRF – перфект; PROX – ближний демонстратив; PRS – презенс; PST – прошедшее время; PT:IPF – имперфективное причастие; PT:PF – перфективное причастие; PTCL – частица; RDP – редупликация; ST – отделяемая часть глагольной основы; SUPER – суперэссив; TOP – топик.

Список литературы:

- Алексеев М. Е.** Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис. – М.: Наука, 1985.
- Барыльникова Д. В.** Причастная стратегия релятивизации в нахско-дагестанских языках. ВКР. – М.: НИУ ВШЭ, 2015.
- Бежанов С.** Господа Нашего Иисуса Христа Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна на русском и удинском языках // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXX. – Тифлис, 1902.
- Даниэль М. А., Ландер Ю. А.** Неравноправие ролей в относительных конструкциях: материалы по частотности релятивизации в арчинском и удинском языках // Семантика языковых единиц разных уровней: Ежегодный сборник научных трудов. Вып. 15. – Махачкала: ДГУ, 2013. – С. 59–78.
- Касьянова П. А.** Дифференцированное маркирование объекта в ниджском диалекте удинского языка // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. – 2017. – Т. XIII, ч. 1. – С. 627–651.
- Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Оловянникова И. П., Самедов Д. С.** Опыт структурного описания арчинского языка. Тексты и словари. – М.: МГУ, 1977.
- Кибрик А. Е., Казенин К. И., Лютикова Е. А., Татевосов С. Г.** (ред.). Багвалинский язык: Грамматика. Тексты. Словари. – М.: ИМЛИ РАН, 2001.
- Ландер Ю. А.** Причастные конструкции или некатегориальное подчинение? // Алексеев М. Е. и др. (ред.). Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка. – М.: Academia, 2008. – С. 54–95.
- Ландер Ю. А.** Типология немаркированного клаузуального подчинения: относительные конструкции // Вопросы языкознания. – 2014. – № 1. – С. 3–20.
- Майсак Т. А.** Глагольная парадигма удинского языка (ниджский диалект) // Алексеев М. Е. и др. (ред.). Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка. – М.: Academia, 2008. – С. 96–161.
- Майсак Т. А.** Синтаксис и семантика в распределении показателей отрицания (на материале удинского языка) // Арутюнова Н. Д. (ред.). Логический анализ языка. Ассерция и негация. – М.: Индрик, 2009.
- Майсак Т. А.** Перфект и Аорист в ниджском диалекте удинского языка // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. – 2016. – Т. XII, ч. 2. – С. 315–378.
- Comrie B.** The unity of noun modifying clauses in Asian languages. In Pan-Asiatic Linguistics: Proceedings of the Fourth International Symposium on Languages and Linguistics, January 8–10, Vol. 3, 1077–1088. – Salaya, Thailand: Institute of Language, and Culture for Rural Development, Mahidol University at Salaya, 1996.
- Comrie B.** Attributive clauses in Asian languages: Towards an areal typology. In Boeder W., Schroeder Ch., Wagner K. H., Wildgen W. (eds.), Sprache in Raum und Zeit. In memoriam Johannes Bechert. Band 2. – Tübingen: Günter Narr, 1998. P. 51–60.
- Comrie B., Polinsky M.** Form and function in syntax: Relative clauses in Tsez. In Darnell M., Moravcsik E., Newmeyer F., Noonan M., Wheatley K. (eds.), Functionalism and formalism in linguistics. Vol. II: Case studies. Amsterdam: John Benjamins, 1999. – P. 77–92.
- Comrie B., Forker D., Khalilova Z.** General noun-modifying clause constructions in Hinuq and Bezhta, with a note on other Daghestanian languages. In Matsumoto Y., Comrie B., Sells P. (eds), Noun-modifying clause constructions in languages of Eurasia: Rethinking theoretical and geographical boundaries. Amsterdam: John Benjamins, 2017a. – P. 121–146.
- Comrie B., Sells P., Matsumoto Y. Conclusion.** In Matsumoto Y., Comrie B., Sells P. (eds), Noun-modifying clause constructions in languages of Eurasia: Rethinking theoretical and geographical boundaries. – Amsterdam: John Benjamins, 2017b. P. 331–338.
- Ganenkov D.** Relativization in a morphologically ergative language: a corpus study. Paper presented at 38. Jahrestagung der Deutschen Gesellschaft für Sprachwissenschaft. 24.-26. February 2016. Universität Konstanz. AG 2: The syntax of argument structure: empirical advancements and theoretical relevance, 2016. https://www2.hu-berlin.de/syntax/themp/uploads/PDF/DGfS2016_ganenkov.pdf (accessed 20 March 2020)
- Gippert J.** Relative Clauses in Vartashen Udi: Preliminary Remarks // Iran and the Caucasus. – 2011. – №15. – P. 207–230.
- Harris A. C.** Endoclitics and the origins of Udi morphosyntax. – Oxford: Oxford University Press, 2002.
- Harris A. C.** Where in the word is the Udi clitic? // Language. – 2000. – №76. – P. 593–616.
- Lander Yu.** The adrelative genitive in Udi: Syntactic borrowing plus reanalysis. In Tomelleri V. S., Topadze M., Lukianowicz A. (eds.), Languages and cultures in the Caucasus. – Berlin, Munchen: Verlag Otto Sagner, 2011. – P. 325–349.

- Lander Y., Daniel M.** East Caucasian relativization: descriptive categories vs comparative concepts. Paper presented at the Association for Linguistic Typology 10th Biennial Conference (ALT 10). August 15–18, 2013, – Leipzig. https://www.eva.mpg.de/lingua/conference/2013_ALT10/pdf/abstracts/Abstracts_ALT10_complete.pdf (accessed 20 March 2020)
- Maisak T.** The Aorist / Perfect distinction in Nizh Udi. In Forker D., Maisak T. (eds), *The semantics of verbal categories in Nakh-Daghestanian languages: Tense, aspect, evidentiality, mood/modality*. – Leiden: Brill, 2018. – P. 120–165.
- Maisak T.** Relative clauses in Agul from a corpus-based perspective // *STUF – Language Typology and Universals*. – 2020. – № 73(1). – P. 1–46.
- Matsumoto Y.** Noun-modifying constructions in Japanese: A Frame-Semantic approach. – Amsterdam: John Benjamins, 1997.
- Matsumoto Y., Comrie B., Sells P.** Noun-modifying clause constructions in languages of Eurasia: Rethinking theoretical and geographical boundaries. In Matsumoto Y., Comrie B., Sells P. (eds), *Noun-modifying clause constructions in languages of Eurasia: Rethinking theoretical and geographical boundaries*. – Amsterdam: John Benjamins, 2017. – P. 3–21.
- Nichols J.** Noun-modifying constructions and relativization in the central and western Caucasus. In Matsumoto Y., Comrie B., Sells P. (eds.), *Noun-modifying clause constructions in languages of Eurasia: Rethinking theoretical and geographical boundaries*. – Amsterdam: John Benjamins, 2017. – P. 179–202.
- Polinsky M., Gallo C. G., Graff P., Kravtchenko E.** Subject preference and ergativity // *Lingua*. – 2012. – №1 22(3). – P. 267–277.
- Schulze W.** *The Udi Gospels. Annotated text, etymological index, lemmatized concordance*. – Munich/Newcastle: Lincom Europa, 2001.

Источники текстов

- Dabakov V. V.** (сост.) *Udiğoy folklor: Nağılxo. Legendoox*. – Астрахань, 2007.
- Keçaari K.** *Orayin*. – Bakı, 2001.
- Luk'an exlëtbi Mıq Xavar*. – Bakı, 2011.

Майсак Тимур Анатольевич, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник.
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
Ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 5. Москва, Россия, 1105066.
E-mail: timur.maisak@gmail.com

Материал поступил в редакцию 1 апреля 2020 г.

T. A. Maisak

PARTICIPIAL RELATIVE CLAUSES IN UDI FROM A CORPUS PERSPECTIVE

The paper presents quantitative data on the modifying participial clauses in Udi (Lezgian, Nakh-Daghestanian), based on text corpora. There are two participles in Udi, a perfective and an imperfective one; modifying participial clauses precede nominal heads, and the participle is clause-final within its clause. Like in other Nakh-Daghestanian languages, modifying participial clauses in Udi are close equivalents of relative clauses proper. However, as they allow a wider range of possible associations between a head noun and a clause, they can be rather assigned to what is known as *general noun-modifying clause constructions* (GNMCCs). The main goal of the paper is the analysis of frequencies of different associations between participial clauses and head nouns in terms of arguments, adjuncts or otherwise. In total, about 1,000 occurrences of participial clauses in the Nizh dialect of Udi were taken into account, drawn from three corpora: one spoken, one written comprising a translated text of the Gospel of Luke, and another written corpus comprising two collections of original folklore. The Udi data were compared to the data on relativization frequencies available for a few other Nakh-Daghestanian languages, including Agul, Archi, Lezgian, etc. The main generalizations which can be made from the counts are as follows. In participial clauses, intransitive predicates (especially the verb 'be') turned out to be more frequent than transitive ones. Relativization of the three core arguments S, A and P accounts for the vast majority of all occurrences (more than 80%), with the intransitive subject S by far

outnumbering agent and patient (the same is true for the other languages of the family). Unlike in some other related languages, relativization of the agent is more frequent than that of the patient in Udi. Relativizations frequencies for peripheral arguments and adjuncts is small compared to some other languages of the family (less than one fifth of all occurrences). Among the non-core relativizations, the locative and the temporal ones are the most common. Also, the Udi data confirms the impression that although “extended” uses (i.e. non-syntactic associations) typical of GNMCCs are indeed attested, their frequency is very low.

Key words: *relativization, relative clause, participle, participial clause, corpus linguistics, Nakh-Daghestanian languages, East Caucasian languages, Lezgian languages, Udi language.*

References:

- Alekseev M. E.** Voprosy sravnitel'no-istoričeskoj grammatiki lezginšix jazykov. Morfologija. Sintaksis [Issues in historical-comparative grammar of the Lezgian languages: Morphology, Syntax]. – M.: Nauka, 1985. (in Russian)
- Baryl'nikova D. V.** Pričastnaja strategija reljativizacii v naxsko-dagestanskix jazykax. VKR [Participial relativization strategy in Nakh-Daghestanian languages. BA thesis]. – M.: NIU VŠĚ, 2015. (in Russian)
- Bežanov S.** Gospoda Našego Iisusa Xrista Svjatoe Evangelie ot Matfeja, Marka, Luki i Ioanna na rusškom i udinskom jazykax [The Holy Gospel of Our Lord Jesus Christ according to Matthew, Mark, Luke and John, in Russian and Udi] // Sbornik materialov dlja opisanija mestnostej i plemen Kavkaza. Vyp. XXX. – Tiflis, 1902. (in Russian)
- Daniël' M. A., Lander Ju. A.** Neravnopravie rolej v otnositel'nyx konstrukcijax: materialy po častotnosti reljativizacii v arčinskom i udinskom jazykax [The inequality of roles in relative constructions: relativization frequency data for Archi and Udi] // Semantika jazykovyx edinic raznyx urovnej: Ežegodnyj sbornik naučnyx trudov. Vyp. 15. – Maxačkala: DGU, 2013. S. 59–78. (in Russian)
- Kas'janova P. A.** Differencirovanoe markirovanie ob'ekta v nižškom dialekte udinskogo jazyka [Differential object marking in Nizh Udi] // Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvističeskix issledovanij. – 2017. – T. XIII. – Č. 1. – S. 627–651.
- Kibrik A. E., Kodzasov S. V., Olovjannikova I. P., Samedov D. S.** Opyt strukturnogo opisanija arčinskogo jazyka. Teksty i slovari [The structural description of Archi. Texts and dictionaries]. – M.: MGU, 1977. (in Russian)
- Kibrik A. E., Kazenin K. I., Ljutikova E. A., Tatevosov S. G.** (red.). Bagvalinskij jazyk: Grammatika. Teksty. Slovari [Bagwalal: Grammar. Texts. Dictionaries]. – M.: IMLI RAN, 2001. (in Russian)
- Lander Ju. A.** Pričastnye konstrukcii ili nekatēgorial'noe podčinenie? [Participial constructions or non-categorical subordination?] // Alekseev M. E. i dr. (red.). Udinskij sbornik: grammatika, leksika, istorija jazyka. – M.: Academia, 2008. – S. 54–95.
- Lander Ju. A.** Tipologija nemarkirovannogo klauzal'nogo podčinenija: otnositel'nye konstrukcii [The typology of unmarked clausal subordination: relative constructions] // Voprosy jazykoznanija. – 2014. – № 1. – S. 3–20. (in Russian)
- Majsak T. A.** Glagol'naja paradigma udinskogo jazyka (nižškij dialekt) [The verbal paradigm of Nizh Udi] // Alekseev M. E. i dr. (red.). Udinskij sbornik: grammatika, leksika, istorija jazyka. – M.: Academia, 2008. – S. 96–161. (in Russian)
- Majsak T. A.** Sintaksis i semantika v raspredelenii pokazatelej otricanija (na materiale udinskogo jazyka) [Syntax and semantics in the distribution of negation markers in Udi] // Arutjunova N. D. (red.). Logičeskij analiz jazyka. Assercija i negacija. – M.: Indrik, 2009. (in Russian)
- Majsak T. A.** Perfekt i Aorist v nižškom dialekte udinskogo jazyka [The Perfect and the Aorist in Nizh Udi] // Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvističeskix issledovanij RAN. – 2016. – T. XII. – Č. 2. – S. 315–378. (in Russian)
- Comrie B.** The unity of noun modifying clauses in Asian languages. In Pan-Asiatic Linguistics: Proceedings of the Fourth International Symposium on Languages and Linguistics, January 8–10, Vol. 3, 1077–1088. Salaya, Thailand: Institute of Language, and Culture for Rural Development, Mahidol University at Salaya, 1996.
- Comrie B.** Attributive clauses in Asian languages: Towards an areal typology. In Boeder W., Schroeder Ch., Wagner K. H., Wildgen W. (eds.), Sprache in Raum und Zeit. In memoriam Johannes Bechert. Band 2. – Tübingen: Günter Narr, 1998. – P. 51–60.
- Comrie B., Polinsky M.** Form and function in syntax: Relative clauses in Tsez. In Darnell M., Moravcsik E., Newmeyer F., Noonan M., Wheatley K. (eds.), Functionalism and formalism in linguistics. Vol. II: Case studies. Amsterdam: John Benjamins, 1999. – P. 77–92.

- Comrie B., Forker D., Khalilova Z.** General noun-modifying clause constructions in Hinuq and Bezhta, with a note on other Daghestanian languages. In Matsumoto Y., Comrie B., Sells P. (eds), Noun-modifying clause constructions in languages of Eurasia: Rethinking theoretical and geographical boundaries. – Amsterdam: John Benjamins, 2017a. – P. 121–146.
- Comrie B., Sells P., Matsumoto Y. Conclusion.** In Matsumoto Y., Comrie B., Sells P. (eds), Noun-modifying clause constructions in languages of Eurasia: Rethinking theoretical and geographical boundaries. – Amsterdam: John Benjamins, 2017b. – P. 331–338.
- Ganekov D.** Relativization in a morphologically ergative language: a corpus study. Paper presented at 38. Jahrestagung der Deutschen Gesellschaft für Sprachwissenschaft. 24–26. February 2016. Universität Konstanz. AG 2: The syntax of argument structure: empirical advancements and theoretical relevance, 2016. https://www2.hu-berlin.de/syntax/themp/uploads/PDF/DGfS2016_ganekov.pdf (accessed 20 March 2020)
- Gippert J.** Relative Clauses in Vartashen Udi: Preliminary Remarks // Iran and the Caucasus. – 2011. – № 15. – P. 207–230.
- Harris A. C.** Endoclitics and the origins of Udi morphosyntax. – Oxford: Oxford University Press, 2002.
- Harris A. C.** Where in the word is the Udi clitic? // Language. – 2000. – № 76. – P. 593–616.
- Lander Yu.** The adrelative genitive in Udi: Syntactic borrowing plus reanalysis. In Tomelleri V. S., Topadze M., Lukianowicz A. (eds.), Languages and cultures in the Caucasus. – Berlin, Muenchen: Verlag Otto Sagner, 2011. –P. 325–349.
- Lander Y., Daniel M.** East Caucasian relativization: descriptive categories vs comparative concepts. Paper presented at the Association for Linguistic Typology 10th Biennial Conference (ALT 10). August 15–18, 2013, Leipzig. https://www.eva.mpg.de/lingua/conference/2013_ALT10/pdf/abstracts/Abstracts_ALT10_complete.pdf (accessed 20 March 2020)
- Maisak T.** The Aorist / Perfect distinction in Nizh Udi. In Forker D., Maisak T. (eds), The semantics of verbal categories in Nakh-Daghestanian languages: Tense, aspect, evidentiality, mood/modality. – Leiden: Brill, 2018. – P. 120–165.
- Maisak T.** Relative clauses in Agul from a corpus-based perspective // STUF – Language Typology and Universals. – 2020. – № 73(1). – P. 1–46.
- Matsumoto Y.** Noun-modifying constructions in Japanese: A Frame-Semantic approach. – Amsterdam: John Benjamins, 1997.
- Matsumoto Y., Comrie B., Sells P.** Noun-modifying clause constructions in languages of Eurasia: Rethinking theoretical and geographical boundaries. In Matsumoto Y., Comrie B., Sells P. (eds), Noun-modifying clause constructions in languages of Eurasia: Rethinking theoretical and geographical boundaries. – Amsterdam: John Benjamins, 2017. P. 3–21.
- Nichols J.** Noun-modifying constructions and relativization in the central and western Caucasus. In Matsumoto Y., Comrie B., Sells P. (eds), Noun-modifying clause constructions in languages of Eurasia: Rethinking theoretical and geographical boundaries. – Amsterdam: John Benjamins, 2017. – P. 179–202.
- Polinsky M., Gallo C. G., Graff P., Kravtchenko E.** Subject preference and ergativity // Lingua. – 2012. – № 122(3). – P. 267–277.
- Schulze W.** The Udi Gospels. Annotated text, etymological index, lemmatized concordance. – Munich/Newcastle: Lincom Europa, 2001.

Text sources:

- Dabakov V. V.** (sost.) Udiğoy folklor: Nağılxo. Legendoox [Udi folklore: Fairy-tales. Legends]. Astraxan', 2007.
- Keçaari K.** Orayin [The Sprig]. Bakı, 2001.
- Luk'an exlətbi Müq Xavar [The Good News told by Luke]. Bakı, 2011.

Maisak Timur Anatolievich, Candidate of sciences (Philology), Leading Researcher

National Research University Higher School of Economics.

21/4 Staraya Basmannaya Street, Building 5, Moscow, Russia, 105066.

E-mail: timur.maisak@gmail.com